
ЮЛИЯ СМИРНОВА
КАРТОГРАФ СМЕРТИ
УБИЙЦА ВНЕ ВРЕМЕНИ
18+

Юлия Смирнова

«Картограф смерти. Убийца вне времени»

«Автор»
2026

Смирнова Ю.

«Картограф смерти. Убийца вне времени» / Ю. Смирнова — «Автор», 2026

Четыре убийства. Четыре загадочные отметки. И маньяк, которого полиция никак не может поймать.Максим Воронцов — обаятельный эксперт по старинным картам. Его уважают коллеги, обожают друзья. Никто не подозревает, что за приятной улыбкой скрывается жестокий серийный убийца, для которого чужая жизнь — всего лишь игра.Но однажды охотник сам становится добычей.Непостижимым образом Максим оказывается во Франции XIV века, где человеческая жизнь стоит дешевле куска хлеба. Здесь нет полиции, камер наблюдения и привычных законов. Зато есть другой убийца. Не менее жестокий. Не менее хитрый.И он не собирается делить свою территорию с чужаком.Пока следователь Андрей Лавров ищет исчезнувшего маньяка в современной Москве, в прошлом начинается смертельное противостояние двух хищников.Когда встречаются два чудовища, кто из них окажется страшнее?

© Смирнова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четвёртая отметка 5
Глава 2. Человек на фотографии 20
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Юлия Смирнова «Картограф смерти. Убийца вне времени»

Глава 1. Четвёртая отметка

В квартире пахло кофе, мокрой шерстью и смертью.

Последний запах Андрей Лавров различил ещё в прихожей. Слабый, неприятный, смешанный с ароматом освежителя воздуха. Он не стал гадать, сколько времени тело пролежало в комнате: этим займётся судебный медик.

На стене возле входа висело небольшое зеркало. Под ним стояла обувная полка, на которой аккуратно разместились четыре пары женских туфель. Рядом лежал сложенный зонт, ещё влажный после вчерашнего дождя.

Обычная московская квартира.

Обычное утро.

Если не считать мёртвой женщины в гостиной.

— Кто обнаружил? — спросил Лавров, надевая защитные бахилы.

— Подруга погибшей. Пришла около девяти, — ответил оперативник Денис Корнеев. — Дверь никто не открыл. Она позвонила несколько раз, потом вызвала полицию. Говорит, у хозяйки были проблемы, поэтому сразу заподозрила неладное.

— Какие проблемы?

— Пока толком не объяснила. Сидит в машине, её опрашивают.

— Дверь взламывали?

— Да. Следов взлома до нашего приезда не обнаружили.

Лавров прошёл в гостиную.

Женщина лежала на полу возле дивана, на правом боку, лицом к книжному шкафу. Одна рука была вытянута вперёд, пальцы слегка согнуты, словно она пыталась дотянуться до чего-то в последние секунды жизни. На запястьях виднелись повреждения. Тёмные волосы частично закрывали лицо. На светлом ковре остались бурые пятна.

Погибшую звали Елена Барышева.

Тридцать девять лет. Преподаватель французского языка, переводчик. Разведена, детей нет. Квартира принадлежала ей.

Лавров остановился на расстоянии нескольких шагов от тела.

Он не любил выражение «красивая смерть», которое иногда встречалось в дешёвых детективах. Смерть не была красивой. Она оставляла после себя испачканную одежду, нарушенные планы, испуганных родственников и работу, которую уже невозможно было закончить.

— Виктор Сергеевич?

Судебный медик Зорин поднял голову.

— Андрей Петрович.

— Что скажешь?

— Предварительно смерть наступила ночью. Точнее определим после вскрытия и дополнительных исследований. Есть повреждения, указывающие на насильственный характер смерти. На запястьях следы удержания. По одному осмотру на месте выводы делать рано.

— Она сопротивлялась?

— Возможно. Но степень сопротивления по этим признакам не установишь.

Лавров кивнул.

В подобных делах он больше всего ценил специалистов, которые не пытались производить впечатление всезнающих людей.

— Время смерти?

— Пока ориентировочно в пределах последних суток. Узкий интервал сейчас не назову.

Лавров посмотрел на журнальный столик.

Две чашки. Одна почти пустая, в другой оставалось немного кофе. На блюдце лежало печенье с надломленным краем. Рядом — открытая книга на французском языке.

— Посуда изъята?

— Фиксируем, затем направим на исследование, — ответил криминалист.

— Телефон?

— Пока не нашли, — сообщил Корнеев. — Ноутбук в спальне. Сумка и документы на месте.

— Соседи что-нибудь слышали?

— Одна женщина утверждает, что вчера около десяти слышала разговор. Мужской и женский голоса. Без криков. Потом какой-то стук.

— Почему не позвонила?

— Решила, что у соседки гости.

Лавров не стал комментировать.

За годы работы он встречал людей, которые не замечали очевидного, и людей, которые слышали за стеной то, чего никогда не происходило. Показания требовали проверки, а не возмущения.

Он обошёл комнату, следуя по участкам пола, уже разрешённым для прохода.

Книги, фотографии, небольшой письменный стол. На подоконнике — фикус с пожелтевшими листьями. Возле кресла лежал шерстяной плед.

Всё выглядело обжитым.

И почти всё находилось на своих местах.

Это не доказывало, что хозяйка добровольно впустила убийцу. Но позволяло рассматривать такую возможность.

— Есть что-нибудь необычное? — спросил Лавров.

Корнеев указал на письменный стол.

— Нашли под папкой. Криминалист уже сфотографировал.

На столе лежал лист плотной бумаги.

Несколько линий, проведённых карандашом. Два прямоугольника, соединённые узким проходом, и четыре небольших кружка, расположенных на разном расстоянии друг от друга.

Рисунок напоминал схематичный план.

Но план чего именно, понять было невозможно.

Лавров почувствовал неприятное узнавание.

— Похож на предыдущие? — тихо спросил Корнеев.

— Внешне — да.

— Значит, четвёртый?

— Пока у нас четвёртое убийство с похожей деталью. Это не одно и то же, что доказанная серия.

Корнеев промолчал.

Лавров ещё раз посмотрел на лист.

Семь месяцев назад в арендованном гараже обнаружили тело инженера Павла Седова. На внутренней стороне дверцы старого шкафа был выцарапан рисунок, напоминавший пересечение двух дорог.

Через одиннадцать недель в съёмной квартире нашли Марину Шестакову, менеджера туристической компании. Возле её рабочего места лежал чек с несколькими карандашными линиями.

Третьей жертвой стал преподаватель истории Сергей Лыткин. Его обнаружили в помещении закрывшегося учебного центра. В кармане пиджака находился сложенный лист бумаги с грубой схемой, происхождение которой установить не удалось.

Теперь — Елена Барышева.

Четыре погибших.

Разные профессии, разные районы, разные обстоятельства.

Рисунки не были одинаковыми. Ни один из них не содержал подписи, понятного адреса или географических координат. Эксперты пока не смогли убедительно установить, являлись ли они картами вообще.

Но журналисты уже придумали название.

Картограф.

Лавров ненавидел это прозвище.

Оно превращало неизвестного преступника в персонажа, которого публика начинала ждать, обсуждать и наделять несуществующими качествами.

— Прессе ничего о рисунке, — сказал он.

— Они всё равно узнают.

— Значит, хотя бы не от нас.

Он снова посмотрел на мёртвую женщину.

Елена Барышева прожила тридцать девять лет, чтобы теперь стать четвёртым пунктом в чужой истории.

Лавров собирался сделать всё возможное, чтобы эта история закончилась.

Максим Воронцов проснулся в семь двадцать.

Будильник должен был прозвенеть через десять минут, но он отключил его заранее. За окном моросил дождь, по стеклу медленно стекали тонкие дорожки воды. В соседнем доме на пятом этаже женщина развешивала бельё.

Максим некоторое время наблюдал за ней, затем поднялся.

Он не любил торопиться по утрам.

Ванная, душ, бритьё. Чистая рубашка. Кофе из маленькой кофемашины, которую он купил три года назад и до сих пор считал одним из лучших приобретений в своей жизни.

Пока готовился завтрак, Максим включил новости.

Диктор рассказывал о пробках, погоде и найденной в московской квартире мёртвой женщине.

Имя погибшей пока не называли.

Максим намазал масло на тост.

— Быстро работают, — заметил он.

Ведущая сообщила, что правоохранительные органы проверяют возможную связь нового преступления с несколькими нераскрытыми убийствами.

Максим выключил телевизор.

Не потому, что испугался.

Он просто не любил слушать людей, которые рассуждали о вещах, не имея достаточной информации.

Особенно когда речь шла о его собственных поступках.

Он сел за стол и спокойно позавтракал.

Вчерашний вечер не испортил ему аппетит.

Максим вообще редко испытывал то, что другие называли угрызениями совести. Он понимал значение этого выражения, мог убедительно описать соответствующие переживания и даже посочувствовать человеку, который мучился из-за собственного поступка.

Но сам подобного чувства не испытывал.

Елена Барышева умерла.

Он знал, как именно это произошло.

Помнил её голос, лицо, попытки договориться.

Помнил, что в какой-то момент она перестала просить объяснений и начала просить о жизни.

Эти воспоминания не были для него тяжёлыми.

Неприятным оказалось другое: события развивались не совсем так, как он рассчитывал.

Он предпочитал контролировать обстоятельства.

С Еленой контроль пришлось восстанавливать поспешно.

Максим допил кофе и посмотрел на часы.

Пора было выходить.

На лестничной площадке он встретил соседку Валентину Павловну.

Пожилая женщина пыталась поднять тяжёлую сумку с продуктами.

— Давайте помогу, — предложил Максим.

— Ой, Максимушка, спасибо. Опять набрала больше, чем могу донести.

Он взял сумку.

— Надо пользоваться доставкой. В двадцать первом веке живём.

— А мне нравится самой выбирать помидоры.

— Справедливый аргумент. Помидорам я бы тоже не доверял.

Валентина Павловна рассмеялась.

Он донёс сумку до её двери, пожелал хорошего дня и спустился вниз.

Соседка проводила его благодарным взглядом.

Она считала Максима воспитанным, добрым человеком.

Иногда просила его помочь с телефоном. Иногда угощала пирожками. На Новый год он подарил ей небольшую коробку хорошего чая.

Она никогда не замечала в нём ничего пугающего.

Именно это Максим особенно ценил в людях.

Их способность составлять окончательное мнение о человеке на основании нескольких приятных поступков.

Мастерская располагалась в старом здании недалеко от центра Москвы.

На первом этаже находилась небольшая галерея, на втором — реставрационные помещения и кабинеты специалистов. Максим занимал две комнаты: рабочий кабинет и отдельное помещение для исследования документов.

Он занимался экспертизой рукописей, старинных карт и редких печатных изданий.

В профессиональной среде его знали как внимательного и иногда чрезмерно придирчивого специалиста. Он не любил поспешных заключений, умел замечать поздние исправления в рукописях и не стеснялся спорить с владельцами дорогих коллекций.

Ему было тридцать семь лет.

Внешне он ничем не напоминал человека, которого следовало бы опасаться.

Тёмные волосы, живое лицо, привычка смотреть собеседнику прямо в глаза. Он хорошо шутил, любил вкусную еду, умел слушать и никогда не демонстрировал своё превосходство без необходимости.

Люди охотно приглашали его на ужины.

Коллеги доверяли его заключениям.

Заказчики рекомендовали его знакомым.

Анастасия Лебедева, администратор мастерской, встретила его у входа.

— Максим Андреевич, доброе утро. Вам опять звонил Селезнёв.

— Он уже скучает по мне?

— Он хочет заключение по атласу.

— А я хочу, чтобы он перестал звонить каждые два часа. Видите, как трудно людям договориться?

Анастасия улыбнулась.

— Я сказала, что вы заняты.

— И правильно. Если он спросит ещё раз, скажите, что я ушёл в монастырь.

— В какой?

— В тот, где запрещены телефоны.

Максим прошёл в кабинет.

На столе лежал старинный атлас.

Переплёт был восстановлен значительно позже изготовления основного блока. Некоторые страницы потемнели от времени, другие выглядели подозрительно свежими. На полях сохранились записи разных владельцев.

Максим занимался атласом уже почти две недели.

Он подозревал, что один из листов был добавлен в книгу позднее. Но для окончательного заключения требовалось установить происхождение нескольких записей.

Особенно его интересовала карта небольшого города на севере Франции.

Она была составлена в конце XIV века или скопирована с более раннего образца. Точную датировку ещё предстояло подтвердить.

На полях находились пометки на старофранцузском и латыни.

Некоторые относились к расстояниям между поселениями.

Другие упоминали судебные разбирательства и торговые пошлины.

Максим внимательно изучал одну из записей, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Анастасия положила на стол конверт.

— Пришли фотографии из французского архива.

— Отлично.

— Там ещё письмо. Они пишут, что часть документов сохранилась только в поздних копиях.

— Как обычно.

— Вас это не расстраивает?

— Настя, если бы средневековые писцы работали аккуратнее, половина современных историков осталась бы без профессии.

Она рассмеялась и вышла.

Максим вскрыл конверт.

Внутри находились распечатки документов, относящихся к судебному делу 1396 года.

В центре дела стояло имя человека по имени Гийом де Варенн.

Его обвиняли в убийстве нескольких путников на торговой дороге.

Материалы сохранились плохо. Часть свидетельских показаний была утрачена. Даты в поздних копиях расходились. Не было полной уверенности даже в том, что все документы относились к одному процессу.

Для историка это представляло интерес.

Для Максима — особенный.

Он любил старые уголовные дела.

Не из-за романтического представления о преступниках прошлого. Его привлекало другое: возможность увидеть, как люди пытались установить истину, располагая ограниченными сведениями.

Свидетельские показания противоречили друг другу.

Чиновники ошибались.

Подозреваемые лгали.

А иногда человек, которого казнили, оказывался невиновным.

Максим разложил документы.

В одном из показаний говорилось, что Гийом де Варенн хорошо знал дороги вокруг города и сопровождал торговые обозы.

В другом утверждалось, что его видели возле старой каменоломни незадолго до исчезновения нескольких путников.

Третье показание было неполным.

На сохранившемся листе упоминался неизвестный мужчина, прибывший в город без товара и сопровождающих.

Максим задержался на этой записи.

Описание незнакомца отсутствовало.

Имя не называлось.

Документ обрывался посреди предложения.

Он откинулся на спинку кресла.

— Ну и кто же ты был?

Вопрос остался без ответа.

Максим взял карандаш и сделал пометку в рабочем блокноте.

За окном проехала машина скорой помощи.

Сирена быстро стихла.

Он вернулся к работе.

К полудню Лаврову удалось поговорить с подругой Елены Барышевой.

Её звали Светлана Орлова.

Она сидела напротив следователя, крепко сжимая бумажный стаканчик с водой. На вид ей было около сорока. Светлые волосы собраны в небрежный хвост, лицо бледное.

— Мы должны были встретиться сегодня утром, — сказала она. — Елена обещала отдать мне книгу. Я звонила ей вчера вечером, но она не ответила.

— Когда вы разговаривали в последний раз?

— Позавчера.

— О чём?

Светлана помолчала.

— Она сказала, что хочет отказаться от одного заказа.

— Почему?

— Ей не нравился заказчик.

Лавров поднял глаза.

— Что именно не нравилось?

— Она говорила, что он слишком настойчивый. Постоянно задавал дополнительные вопросы, просил проверить какие-то сведения.

— Угрожал?

— Нет. По крайней мере, она ничего такого не говорила.

— Имя называла?

— Не помню. Кажется, речь шла о старых французских документах.

Лавров сделал запись.

— Елена работала с несколькими заказчиками?

— Да. Она переводила для издательств, частных лиц, иногда для коллекционеров.

— В последние дни она кого-нибудь боялась?

Светлана опустила взгляд.

— Она сказала странную вещь.

— Какую?

— Что некоторые люди умеют притворяться настолько хорошо, что начинаешь сомневаться в собственных ощущениях.

Лавров подождал.

— Вы спросили, кого она имеет в виду?

— Конечно. Но она только отмахнулась. Сказала, что устала.

— Были другие изменения? Сон, настроение, привычки?

— Она стала плохо спать. Несколько раз отменяла встречи.

— Причину объясняла?

— Нет.

Светлана поставила стаканчик на стол.

— Вы думаете, её убил кто-то из знакомых?

— Мы проверяем все версии.

— Но она ведь никому не делала зла.

Лавров посмотрел на женщину.

За годы работы он слышал эту фразу сотни раз.

Иногда она была правдой.

Иногда — попыткой защитить память погибшего.

Но почти никогда не помогала найти убийцу.

— Светлана, мне нужны имена людей, с которыми Елена общалась в последнее время. Даже если вам кажется, что они не имеют отношения к случившемуся.

Она кивнула.

— Я попробую вспомнить.

Вечером Максим встретился с Алексеем Крыловым, реставратором, с которым дружил почти десять лет.

Они сидели в небольшом ресторане, где подавали хорошую пасту и не пытались впечатлить посетителей музыкой.

— Представляешь, — рассказывал Крылов, — заказчик требует, чтобы я восстановил книгу, но сохранил все следы времени. При этом пятна убрать, страницы выровнять, переплёт заменить.

— То есть сделать новую книгу, которая выглядит старой?

— Именно.

— Предложи ему купить подделку. Сэкономит деньги.

Крылов рассмеялся.

— Ты ужасный человек.

— Зато полезный.

Они заказали ещё по чашке кофе.

Разговор перешёл на знакомых, работу и предстоящую выставку.

Максим был оживлён.

Он легко поддерживал беседу, шутил, внимательно слушал друга.

Когда Крылов пожаловался на проблемы с одним из заказчиков, Максим предложил связаться с хорошим юристом.

Совет был разумным.

Крылов поблагодарил его.

И ни на секунду не усомнился в том, что сидит напротив порядочного человека.

Максим слушал рассказ друга и одновременно вспоминал Елену Барышеву.

Не постоянно.

Лишь время от времени.

Как вспоминают неприятный разговор, который закончился неудачно.

Она сопротивлялась дольше, чем он ожидал.

Не физически.

Сначала пыталась убедить его, что никому ничего не расскажет. Потом начала торговаться, обещала забыть увиденное, отказаться от работы, уехать из города.

Максим слушал.

Он понимал, что она лжёт.

Не потому, что был способен читать мысли.

Просто в её положении любой человек сказал бы почти что угодно, лишь бы остаться в живых.

Когда Елена поняла, что он не собирается отпускать её, она заплакала.

Максим помнил, как изменилось её лицо.

Страх сделал его чужим.

Она перестала видеть в нём образованного, приятного мужчину, с которым несколько недель обсуждала старинные документы.

Перед ней остался человек, решивший, что её жизнь закончится.

Максим не испытывал отвращения к этому воспоминанию.

Наоборот.

Именно ощущение чужой беспомощности было для него самым важным.

Он не убивал ради денег.

Не мстил.

Не пытался исправить несправедливость.

Ему нравилась власть над человеком, который ещё недавно считал себя свободным.

Эта власть была короткой.

Но абсолютной.

— Макс, ты чего улыбаешься? — спросил Крылов.

Максим поднял глаза.

— Вспомнил одну историю.

— Рассказывай.

— Не сейчас. Аппетит испортишь.

Крылов фыркнул.

— У тебя вечно какие-то профессиональные ужасы.

— Даже не представляешь, какие.

Они рассмеялись.

За соседним столом женщина попросила официанта принести счёт.

Максим машинально отметил её лицо, одежду, манеру держаться.

Потом отвернулся.

Сегодня он не собирался никого убивать.

У него были другие планы.

На следующий день следственная группа получила предварительные результаты осмотра квартиры Барышевой.

С чашек сняли следы, пригодность которых для идентификации ещё предстояло оценить. На некоторых поверхностях обнаружили следы нескольких людей, что само по себе не удивляло: погибшая принимала гостей.

Телефон Елены по-прежнему не нашли.

Зато специалисты установили, что незадолго до смерти она пользовалась ноутбуком и открывала несколько документов, связанных с переводческой работой.

Лавров изучил перечень файлов.

Французские судебные записи.

Каталоги рукописей.

Переписка с заказчиками.

Ничего необычного для переводчика.

Но среди документов обнаружился файл с названием «Личные заметки».

Он был создан за несколько дней до убийства.

Внутри находились короткие записи о нескольких людях, с которыми Елена работала.

Один заказчик задерживал оплату.

Другой требовал слишком срочного перевода.

Третий постоянно менял условия.

Лавров внимательно прочитал весь документ.

Никаких прямых угроз.

Никаких обвинений.

Но в конце была фраза:

«Мне кажется, я случайно узнала то, чего не должна была знать».

Ниже — пустая строка.

Лавров перечитал запись.

— Денис.

Корнеев подошёл.

— Что?

— Проверь всех, кто упоминается в файле. И выясни, когда именно она сделала последнюю запись.

— Думаешь, это связано с убийством?

— Не знаю. Но она сама считала какую-то информацию опасной.

— Может, просто преувеличивала.

— Возможно. Поэтому и проверяем.

Корнеев взял распечатку.

— Кстати, пришли записи с камер.

Лавров поднялся.

В соседнем кабинете на экране компьютера уже было открыто видео.

Мужчина в тёмной куртке вошёл в подъезд вечером накануне обнаружения тела.

Лицо частично закрывал козырёк кепки.

Он не спешил.

Подошёл к лифту, нажал кнопку, подождал.

Когда двери открылись, вошёл внутрь.

Спустя несколько часов тот же человек покинул здание.

На записи было видно, как он вышел из подъезда и направился в сторону улицы.

— Машину нашли? — спросил Лавров.

— Пока нет. Камеры дальше по маршруту проверяем.

— Лицо?

— Качество слабое. Специалисты работают с исходными файлами.

Лавров смотрел на экран.

Человек двигался спокойно.

Не оглядывался.

Не бежал.

Но это ничего не доказывало.

Преступники не обязаны выглядеть испуганными после убийства.

И далеко не каждый спокойный прохожий является убийцей.

— Нужно установить всех посетителей дома за этот период, — сказал Лавров. — И сопоставить записи с показаниями соседей.

Корнеев кивнул.

— Сделаем.

Лавров вернулся в кабинет.

На столе лежали фотографии четырёх погибших.

Он разложил их перед собой.

Павел Седов.

Марина Шестакова.

Сергей Лыткин.

Елена Барышева.

Четыре человека, между которыми пока не удалось установить убедительную связь.

Он открыл папку первого дела.

Перечитал сведения о последних контактах Седова.

Затем второго.

Третьего.

В каждом случае были люди, с которыми погибшие общались незадолго до смерти.

В каждом — неясные обстоятельства.

Но ничего, что позволяло бы уверенно выделить одного человека.

Лавров задумался.

Если преступник действительно выбирал жертв заранее, он должен был каким-то образом узнавать об их привычках, расписании, возможности встретиться без свидетелей.

Однако это не означало, что он обязательно был их близким знакомым.

Возможно, они доверяли ему по другой причине.

Работа.

Услуги.

Общие интересы.

Случайное знакомство, которое постепенно становилось менее случайным.

Лавров взял чистый лист бумаги.

И написал сверху:

«Как он получает доступ к жертвам?»

Ниже оставил место для ответов.

Пока их не было.

Но вопрос показался ему правильнее, чем бесконечные попытки разгадать рисунки.

В мастерской Максима день складывался удачно.

Он закончил экспертизу двух документов, получил подтверждение оплаты от клиента и договорился о встрече с представителем частного архива.

Анастасия принесла ему чай.

— Вы сегодня подозрительно довольны.

— Я всегда доволен.

— Особенно когда ругаетесь с заказчиками?

— Это отдельный вид удовольствия.

Она улыбнулась.

— Вам звонили из полиции.

Максим поднял голову.

— По какому поводу?

— Спрашивали, сотрудничали ли мы с Еленой Барышевой.

Он выдержал короткую паузу.

— Сотрудничали.

— Я сказала, что подготовлю документы.

— Правильно.

Анастасия села напротив.

— Вы слышали, что с ней случилось?

— Да.

— Ужасно.

— Ужасно, — согласился Максим.

Он произнёс слово совершенно естественно.

С нужной интонацией.

Без малейшего усилия.

Анастасия опустила глаза.

— Она была очень приятной женщиной.

— Хорошим специалистом, — добавил Максим.

— Вы ведь встречались с ней?

— Несколько раз. Обсуждали перевод.

— Полиция может захотеть поговорить с вами.

— Разумеется.

Он сделал глоток чая.

— Подготовьте копии договоров и рабочей переписки. Если потребуется, предоставим их по запросу.

Анастасия кивнула.

— Хорошо.

Когда она вышла, Максим некоторое время сидел неподвижно.

Полиция интересовалась Еленой.

Это было ожидаемо.

Неожиданным оказалось другое: он почувствовал раздражение от необходимости объяснять очевидные вещи.

Елена была переводчиком.

Он — заказчиком.

Они работали вместе.

В этом не было ничего преступного.

Но теперь каждое письмо, каждый телефонный разговор, каждая встреча могли приобрести значение, которого прежде не имели.

Максим не любил, когда другие люди начинали распоряжаться его временем.

Особенно люди, которым он не давал такого права.

Он открыл рабочую почту.

Переписка с Еленой была обширной.

Обсуждение терминов.

Уточнение дат.

Вопросы по почерку.

Несколько назначенных встреч.

Никаких признаний.

Никаких угроз.

Никаких очевидных причин для подозрений.

И всё же Максим не испытывал полной уверенности.

В последние дни Елена задавала вопросы, не относящиеся к переводу.

О его поездках.

О знакомых.

О том, где он находился в определённые даты.

Сначала он воспринимал это как обычное любопытство.

Потом понял, что она проверяет его ответы.

Что именно она успела выяснить, Максим не знал.

Он помнил только её последнюю фразу перед тем, как разговор окончательно изменился:

«Вы ведь не случайно оказались рядом с тем человеком?»

Она не назвала имени.

И Максим не спросил.

Теперь это раздражало его сильнее всего.

Он не знал, насколько далеко продвинулась Елена.

Не знал, кому она успела рассказать о подозрениях.

И не мог заставить её ответить.

Впервые за долгое время он столкнулся с последствием собственного решения, которое уже нельзя было исправить.

Максим закрыл почту.

На рабочем столе лежали французские документы.

Он взял верхний лист.

Внизу страницы находилась запись о человеке, обвинённом в нескольких убийствах в 1396 году.

Гийом де Варенн.

Максим перечитал имя.

История была неполной.

Судебные документы противоречили друг другу.

В одном свидетельском показании говорилось, что обвиняемый действовал один.

В другом упоминался неизвестный спутник.

Третье вообще ставило под сомнение присутствие Гийома на месте одного из преступлений.

Максим отложил лист.

Шесть столетий назад люди тоже пытались разобраться, кто именно убивал их соседей.

Возможно, нашли виновного.

Возможно, ошиблись.

Возможно, настоящий убийца стоял среди свидетелей и внимательно слушал обвинения.

Эта мысль показалась Максиму забавной.

Он улыбнулся.

Затем вернулся к работе.

Вечером Лавров задержался в кабинете.

Корнеев уже собирался уходить, когда в дверь постучала сотрудница, занимавшаяся анализом цифровых материалов.

— Андрей Петрович, есть предварительные результаты по ноутбуку Барышевой.

Она положила перед ним несколько распечаток.

— В последние дни она искала информацию о двух из трёх предыдущих убийств.

Лавров поднял голову.

— О каких?

— О Седове и Лыткине.

— Когда?

— По сохранившимся данным, за три дня до смерти. Но историю браузера нужно ещё сопоставить с другими цифровыми следами.

Корнеев остановился у двери.

— Она знала о серии?

— Возможно, — ответила сотрудница. — По крайней мере, интересовалась публикациями о двух погибших.

Лавров просмотрел распечатки.

Елена открывала новости о смерти инженера Седова.

Затем искала сведения о преподавателе Сергее Лыткине.

После этого просматривала старую фотографию с мероприятия, опубликованную несколько лет назад.

— Что за фотография? — спросил Лавров.

— Снимок с открытой лекции по истории картографии. Публичная публикация.

— Кто на ней?

— Группа участников. Мы пока не установили всех.

Лавров посмотрел на изображение.

Около двадцати человек стояли в зале перед экраном, на котором была показана старинная карта.

Качество фотографии было средним.

Несколько лиц частично закрывали другие участники.

Среди людей находился Сергей Лыткин.

Третья жертва.

Рядом с ним стоял мужчина в светлой рубашке.

Лавров увеличил изображение.

Мужчина улыбался.

Одна рука лежала в кармане брюк, другой он держал папку.

— Кто это? — спросил Корнеев.

— Пока не знаю.

Лавров посмотрел на дату публикации.

Пять лет назад.

Слишком давно, чтобы считать снимок доказательством связи с убийством.

Но Елена Барышева открывала именно эту фотографию незадолго до смерти.

И это требовало объяснения.

— Установите всех участников мероприятия, — сказал Лавров. — Особенно тех, кто стоял рядом с Лыткиным.

— Думаешь, она кого-то узнала?

— Возможно.

— А если просто интересовалась лекцией?

— Тогда выясним и это.

Сотрудница забрала часть документов и вышла.

Корнеев остался возле двери.

— Слушай, а если она действительно нашла убийцу?

Лавров посмотрел на фотографию.

— Тогда он мог узнать, что она его ищет.

— И убил её.

— Это одна из версий.

Он убрал снимок в папку.

— Но прежде чем делать выводы, нужно понять, что именно она обнаружила.

Максим вернулся домой после десяти.

В прихожей снял пальто, повесил его в шкаф и прошёл на кухню.

За окном продолжался дождь.

Он разогрел ужин, налил воды и включил ноутбук.

На экране открылась новостная страница.

Фотография Елены Барышевой появилась рядом с заголовком:

«Следствие проверяет связь убийства переводчицы с серией преступлений в Москве».

Максим прочитал статью.

Ничего нового.

Журналисты пересказывали известные факты, ссылались на анонимные источники и спорили о том, почему преступника до сих пор не задержали.

В комментариях люди требовали наказания.

Некоторые предлагали собственные версии.

Один пользователь написал, что Картограф наверняка бывший военный.

Другой считал его врачом.

Третий утверждал, что преступник работает в полиции.

Максим усмехнулся.

Людям нравилось искать зло в тех профессиях, которые казались им опасными.

Никто не предложил проверить специалистов по старинным рукописям.

Он закрыл страницу.

Затем открыл папку с фотографиями французского атласа.

Ему предстояло закончить экспертизу.

На одном из снимков была изображена северная часть старого города.

Узкие улицы.

Крепостная стена.

Дорога, уходившая к лесу.

Внизу находилась едва различимая запись.

Максим увеличил изображение.

Рядом с названием старой каменоломни стояла дата.

Он сверил её с судебной описью.

Совпадение было ожидаемым: документы относились к одному историческому периоду.

Но одна деталь оставалась непонятной.

В описи упоминался проход под городской стеной, использовавшийся для перевозки камня.

На карте он отсутствовал.

Возможно, проход был засыпан ещё до составления карты.

Возможно, картограф счёл его несущественным.

А возможно, сохранившийся лист был копией более позднего плана, на котором часть старых сооружений уже не обозначали.

Максим записал вопрос в блокнот.

Он собирался выяснить, где именно находилась каменоломня.

Не сегодня.

Позже, когда получит дополнительные документы.

Он закрыл ноутбук и подошёл к окну.

На противоположной стороне улицы мужчина помогал женщине выгрузить покупки из машины.

Они о чём-то спорили.

Потом рассмеялись.

Максим наблюдал за ними несколько секунд.

Ему нравились такие сцены.

Обычная жизнь.

Обычные люди.

Обычные заботы.

В этом мире существовало огромное количество правил, которые большинство людей соблюдали без принуждения.

Не причинять вреда.

Не отнимать чужого.

Не убивать.

Максим прекрасно понимал назначение этих правил.

Они делали общество предсказуемым.

А предсказуемость была удобна тем, кто не считал себя обязанным подчиняться.

Он выключил свет.

В темноте отразилось собственное лицо.

Ничем не примечательное.

Спокойное.

Почти доброжелательное.

Максим улыбнулся отражению.

Он не считал себя чудовищем.

Чудовища, по его мнению, существовали в книгах и фильмах.

Он был человеком.

Именно это делало его опасным.

На следующий день Лавров снова разложил перед собой фотографии четырёх погибших.

Теперь рядом лежал снимок с лекции по истории картографии.

Пять лет назад Сергей Лыткин стоял среди коллег и знакомых.

Рядом с ним улыбался мужчина в светлой рубашке.

Его личность ещё устанавливали.

Лавров не спешил.

Он уже видел расследования, которые заходили в тупик из-за слишком ранней уверенности следователя в одной версии.

Но теперь появилась зацепка, которой прежде не было.

Елена Барышева интересовалась двумя погибшими.

Она нашла старую фотографию.

И вскоре после этого её убили.

Возможно, между событиями существовала связь.

Возможно, нет.

Но проверить её было необходимо.

Лавров взял карандаш и написал на отдельном листе:

«Почему Барышева искала Лыткина?»

Подчеркнул вопрос.

Затем посмотрел на четыре фотографии.

Он ещё не знал, кто такой Картограф.

Не знал, как тот выбирает жертв.

Не знал, сколько людей могут погибнуть, прежде чем расследование приведёт к результату.

Но впервые за семь месяцев у него появилось направление, не связанное с загадочными рисунками.

Нужно было установить, что объединяло погибших до их смерти.

И кто мог знать об этой связи.

Лавров закрыл папку.

За окном начинался новый рабочий день.

Где-то в городе Максим Воронцов готовил кофе, собирался на работу и строил планы на вечер.

Пока они не были знакомы.

И ни один из них не представлял, насколько далеко заведёт их эта история.

Глава 2. Человек на фотографии

Андрей Лавров не верил в преступников, которые оставляют следователям загадки из желания продемонстрировать собственный интеллект.

Такие люди существовали, но встречались значительно реже, чем предполагали сценаристы криминальных сериалов. Большинство убийц совершали ошибки по куда более прозаическим причинам: спешили, переоценивали собственную предусмотрительность, не замечали свидетелей или просто не представляли, сколько сведений сохраняет о человеке современный город.

Поэтому четыре странных рисунка, обнаруженных возле погибших, раздражали Лаврова больше, чем заинтересовывали.

Он не собирался разгадывать их как головоломку.

Он собирался выяснить, кто убил четырёх человек.

Утром в понедельник на его столе лежали материалы последнего преступления. Судебно-медицинское исследование ещё продолжалось, эксперты изучали изъятые предметы, сотрудники проверяли контакты Елены Барышевой.

Среди распечаток находилась фотография пятилетней давности.

На ней были запечатлены участники открытой лекции по истории картографии. В первом ряду стоял Сергей Лыткин, преподаватель истории, убитый несколько месяцев назад.

Рядом с ним улыбался мужчина в светлой рубашке.

Максим Андреевич Воронцов.

Тридцать семь лет. Эксперт по старинным рукописям и картам. Работает в частной мастерской, имеет хорошую профессиональную репутацию. В проверенных материалах отсутствовали сведения о судимостях.

Сам по себе снимок ничего не доказывал. Лыткин был известен в профессиональной среде, выступал на конференциях, общался с историками, коллекционерами и реставраторами.

Но Елена Барышева открывала именно эту фотографию незадолго до смерти.

— Что выяснили об участниках? — спросил Лавров.

Денис Корнеев положил перед ним папку.

— Установили двадцать одного человека из двадцати трёх. Двое умерли естественной смертью, один живёт за границей. Остальных проверяем. Бывший секретарь исторического общества подтвердила, что Воронцов и Лыткин были знакомы.

— Насколько близко?

— Неизвестно. По её словам, после лекции они спорили о датировке какой-то рукописи. Потом вместе вышли из здания.

— Когда это было?

— Пять лет назад.

Лавров отложил папку.

— Значит, пока мы знаем, что они общались пять лет назад.

— А ещё Воронцов работал с Барышевой.

— Да.

— Две жертвы.

— Один человек, знакомый с двумя погибшими. Это не одно и то же.

Корнеев поморщился.

— Ты иногда невыносим.

— Зато полезен.

Лавров открыл список последних контактов Барышевой.

Она работала с несколькими частными заказчиками. Переводила документы, консультировала издательства, помогала коллекционерам разбирать старые французские тексты.

Воронцов был одним из её клиентов.

Ничего необычного.

Но имелось обстоятельство, которое требовало проверки.

За три дня до смерти Елена искала в интернете сведения об убийствах Павла Седова и Сергея Лыткина. Затем открыла фотографию исторической лекции.

— Установили, что именно она искала? — спросил Лавров.

— Поисковые запросы сохранились частично. Она вводила фамилии погибших и даты преступлений. После этого переходила на несколько публикаций.

— А почему не искала Шестакову?

— Не знаем.

Лавров задумался.

Если Барышева интересовалась серией убийств, она могла прочитать о ней в новостях. Но почему тогда открыла фотографию мероприятия пятилетней давности?

Возможно, искала конкретного человека.

Возможно, случайно наткнулась на снимок.

Нужно было установить последовательность её действий и источник фотографии.

— Свяжитесь с организаторами лекции, — сказал Лавров. — Выясните, кто публиковал снимок и сохранились ли другие материалы. И проверьте, не обращалась ли Барышева к кому-нибудь с вопросами о Лыткине.

Корнеев кивнул.

— А Воронцов?

— Пригласим для беседы. Он один из последних известных деловых контактов погибшей.

— Думаешь, согласится?

— Почему бы нет?

— Потому что убийца обычно не горит желанием разговаривать со следователем.

Лавров посмотрел на коллегу.

— Мы пока не установили, что Воронцов убийца.

— Я знаю.

— Тогда и разговаривать будем соответственно.

Максим Воронцов считал, что понедельник придумали люди, которым не хватало поводов для взаимной неприязни.

К десяти утра ему позвонили три заказчика. Один требовал срочно закончить экспертизу, второй хотел вернуть деньги за заключение о подделке, третий интересовался, можно ли установить подлинность рукописи по фотографии, сделанной на телефон в тёмной комнате.

Последнему Максим предложил попробовать сначала сфотографировать собственный паспорт через закрытую дверь.

Заказчик не оценил шутку.

Максим — оценил.

— Вы сегодня в прекрасном настроении, — заметила Анастасия Лебедева, заглянув в кабинет.

— Я всегда в прекрасном настроении. Просто окружающие иногда не соответствуют.

— Вам звонили из полиции.

Максим перестал листать каталог.

— По поводу Барышевой?

— Да. Просят приехать для беседы.

— Когда?

— Сегодня после обеда. Оставили номер.

Он протянул руку за запиской.

— Подготовьте, пожалуйста, договор с Еленой и рабочую переписку.

— Уже подготовила.

— Настя, когда-нибудь вы займёте моё место.

— Надеюсь, не раньше, чем вы закончите экспертизу Селезнёва.

Максим рассмеялся.

Когда она вышла, он достал телефон и набрал оставленный номер.

Разговор занял меньше двух минут.

Следователь Лавров говорил спокойно, не пытался задавать вопросы по телефону и предложил удобное время.

Максим согласился приехать к трём.

Он не испытывал паники.

Полиция неизбежно должна была заинтересоваться людьми, с которыми общалась погибшая. Его имя находилось в договорах, письмах и банковских документах.

Гораздо хуже было бы, если бы он попытался отрицать очевидное.

Но одно обстоятельство оставалось неприятным.

Елена Барышева перед смертью начала задавать вопросы, не имевшие отношения к переводам.

Сначала о командировках.

Потом о старых знакомых.

Затем о Сергее Лыткине.

Максим не сразу понял, почему её интересует преподаватель истории.

Теперь начинал подозревать.

Он закрыл каталог.

Елена могла случайно обнаружить связь, которую никто прежде не замечал.

Но могла и ошибиться.

В любом случае теперь она уже ничего не объяснит.

Максим посмотрел на часы.

До встречи с Лавровым оставалось несколько часов.

Он решил заняться работой.

В одиннадцать сорок Корнеев вернулся с новой информацией.

— Нашли бывшего коллегу Барышевой. Он вспомнил разговор за неделю до убийства.

Лавров отложил документы.

— Что именно?

— Елена спрашивала, можно ли восстановить удалённые письма из старого почтового ящика. Сказала, что ищет переписку пятилетней давности.

— С кем?

— Не объяснила.

— Почему вспомнил только сейчас?

— В первом опросе его спрашивали о конфликтах и угрозах. Про технические вопросы он не подумал. Сейчас сам перезвонил.

Лавров взял ручку.

— Фамилия?

Корнеев назвал.

— Нужно получить подробные показания. Пусть уточнит, когда состоялся разговор и какие слова она использовала. И выясните, обращалась ли она за восстановлением данных к специалистам.

— Уже направили запросы по установленным контактам.

Лавров кивнул.

Пятилетняя переписка.

Фотография пятилетней давности.

Лыткин.

Возможно, совпадение.

Но теперь у следствия появилось направление, которое можно было проверять.

В дверь постучала сотрудница, занимавшаяся цифровыми материалами.

— Андрей Петрович, мы обнаружили ещё один файл в резервной копии данных Барышевой.

Она положила перед ним распечатку.

Документ назывался «Не отправлять».

В нём было всего несколько строк.

«Я могла ошибиться. Но если нет, то он был знаком с Лыткиным задолго до убийства. И, кажется, с Седовым тоже. Нужно проверить даты. Не хочу никого обвинять без доказательств».

Ниже стояла дата создания.

За четыре дня до смерти.

Лавров перечитал текст.

— Файл редактировали позже?

— По доступным метаданным — да, на следующий день. Но содержание предыдущей версии пока не восстановлено.

— Есть имя?

— Нет.

— Упоминания конкретного человека?

— Только эта запись.

Лавров положил распечатку на стол.

Теперь он понимал, почему Елена могла искать старые материалы.

Она пыталась установить связь между погибшими.

И, возможно, между ними и человеком, которого знала лично.

— Проверьте, не сохранились ли другие версии файла, — сказал он. — И установите, кому она могла рассказывать о своих подозрениях.

Сотрудница вышла.

Корнеев посмотрел на Лаврова.

— Теперь ты согласен, что она могла узнать убийцу?

— Могла.

— И он мог об этом узнать.

— Мог.

— Тогда почему ты такой спокойный?

Лавров поднял глаза.

— Потому что от моего волнения доказательств не прибавится.

Максим приехал в следственный отдел без трёх минут три.

На нём были тёмные брюки, светлая рубашка и серое пальто. В руках он держал папку с документами.

Лавров встретил его у двери кабинета.

— Максим Андреевич?

— Да. Андрей Петрович, полагаю?

Они обменялись рукопожатием.

Максим сел напротив следователя, положил папку на стол и оглядел кабинет.

Ничего примечательного.

Шкаф с документами, компьютер, несколько стульев, старый электрический чайник.

На подоконнике стояло растение, которое давно нуждалось в воде.

— Вам бы цветок полить, — заметил Максим.

Лавров посмотрел на подоконник.

— Он здесь дольше меня работает. Думаю, справится.

Максим улыбнулся.

Хороший ответ.

Ему нравились люди, способные шутить без желания понравиться.

— Расскажите, как вы познакомились с Еленой Барышевой, — начал Лавров.

— Через посредническую фирму. Мне требовался перевод нескольких французских судебных документов конца четырнадцатого века. Елену рекомендовали как специалиста.

— Сколько времени вы сотрудничали?

— Около месяца.

— Часто встречались?

— Трижды. Два раза в мастерской, один раз в кафе.

— Когда виделись в последний раз?

— В прошлый четверг.

— О чём говорили?

— Об уточнениях перевода. В одном документе расходились даты, в другом было неразборчивое имя.

— Вы общались вне работы?

— Иногда переписывались по организационным вопросам. Личных отношений у нас не было.

Лавров сделал запись.

— Елена говорила, что опасается кого-то?

— Нет.

— Жалоб на заказчиков не было?

— При мне — нет.

— А с вами у неё возникали конфликты?

Максим задумался.

— Если спор о значении старофранцузского слова считать конфликтом, то да. В остальном мы нормально работали.

— Вы были знакомы с Сергеем Лыткиным?

Максим не отвёл взгляда.

— Да.

— Насколько близко?

— Мы пересекались на профессиональных мероприятиях. Несколько раз обсуждали рукописи.

— Когда видели его в последний раз?

— Не помню. Возможно, год назад. Может быть, раньше.

Лавров положил перед ним фотографию.

— Узнаёте?

Максим посмотрел.

Снимок с лекции.

Лыткин.

Он сам.

Другие участники.

— Конечно. Историческое общество, открытая лекция. Лет пять назад.

— Вы стоите рядом с Лыткиным.

— Вижу.

— Вы общались в тот день?

— Наверняка. Мы спорили о датировке одной рукописи.

— О какой?

Максим назвал документ и кратко объяснил причину разногласий.

Лавров записал.

— Елена Барышева просматривала эту фотографию за несколько дней до смерти.

Максим поднял глаза.

— Вот как.

— Как думаете, почему?

— Не знаю. Возможно, интересовалась Лыткиным.

— Или вами?

Максим чуть наклонил голову.

— Возможно.

Он не стал изображать возмущение.

Это было бы глупо.

Лавров смотрел на него спокойно.

— Елена спрашивала вас о Лыткине?

— Да. Однажды.

— Когда?

— Во время последней встречи.

— Что именно?

— Кажется, хотела узнать, давно ли мы знакомы.

— Что вы ответили?

— Что несколько лет.

— Она объяснила причину вопроса?

— Нет.

Лавров отложил ручку.

— Максим Андреевич, вы понимаете, почему мы интересуемся вашими контактами с погибшими?

— Конечно. Елена убита. Лыткин тоже. Я был знаком с обоими.

— Вас это беспокоит?

— Меня беспокоит, что два человека, которых я знал, погибли насильственной смертью.

Ответ прозвучал безупречно.

Лавров не попытался оценить его искренность по выражению лица.

— Нам потребуется проверить некоторые сведения. Возможно, мы свяжемся с вами повторно.

— Разумеется.

Максим поднялся.

— Надеюсь, вы найдёте того, кто это сделал.

— Мы работаем над этим.

Максим направился к двери.

Уже взявшись за ручку, он обернулся.

— Андрей Петрович, можно спросить?

— Да.

— Вы давно занимаетесь этим делом?

— Достаточно давно.

— Тогда желаю вам удачи.

Лавров посмотрел на него.

— Спасибо.

Дверь закрылась.

Корнеев, присутствовавший при беседе, некоторое время молчал.

— Неприятный тип, — сказал он наконец.

Лавров поднял бровь.

— Почему?

— Не знаю. Слишком гладко разговаривает.

— Это не основание подозревать человека в убийстве.

— А ты ничего не почувствовал?

— Денис, у нас не конкурс на самую развитую интуицию.

Лавров открыл папку с документами.

— Проверим его ответы. Особенно последнюю встречу с Барышевой и контакты с Лыткиным.

— А если всё подтвердится?

— Тогда будем искать дальше.

Максим вышел из здания и направился к машине.

Дождь прекратился, но асфальт оставался мокрым. Возле остановки спорили двое мужчин. Женщина с детской коляской пыталась объехать глубокую лужу.

Максим сел за руль.

Некоторое время он не заводил двигатель.

Разговор с Лавровым прошёл почти так, как он ожидал.

Следователь задавал разумные вопросы.

Не пытался давить.

Не делал поспешных выводов.

Но одна деталь беспокоила Максима.

Фотография.

Елена нашла её незадолго до смерти.

И спросила о Лыткине.

Значит, её интерес был не случайным.

Максим вспомнил последний разговор.

Елена сидела напротив него, держала в руках чашку и смотрела так, словно впервые заметила в знакомом лице что-то неприятное.

«Я нашла одну старую публикацию».

«Поздравляю. Исторические исследования обычно с этого и начинаются».

«Там были вы».

«Я много где бываю».

«И Сергей Лыткин».

Тогда Максим улыбнулся.

Спросил, к чему она клонит.

Елена не ответила сразу.

Она сказала, что хочет проверить ещё кое-что.

И попросила его больше не звонить.

Максим помнил, как его раздражение постепенно сменилось холодной решимостью.

Елена начала задавать вопросы.

Потом попыталась прекратить разговор.

Он не любил, когда люди самостоятельно определяли, что им позволено знать о нём.

И ещё меньше любил, когда они решали уйти.

Теперь она была мертва.

А вопросы остались.

Максим завёл двигатель.

Он не собирался искать и уничтожать каждую возможную улику. Это было бы невозможно и только увеличило бы риск.

Но ему необходимо было понять, с чего начались подозрения Елены.

И кто ещё мог знать о них.

Вечером Лавров получил результаты проверки одного из последних рабочих контактов Сергея Лыткина.

За несколько дней до смерти преподаватель получил предложение ознакомиться с редким историческим документом.

Встречу назначили в помещении закрывшегося учебного центра, где Лыткин прежде проводил занятия.

Отправитель использовал электронный адрес, не связанный с известными знакомыми погибшего.

Содержание письма выглядело обычным:

«Сергей Николаевич, у меня есть материалы, которые могут вас заинтересовать. Думаю, вы захотите увидеть оригинал. Предлагаю встретиться в пятницу вечером».

Лавров прочитал письмо несколько раз.

Не потому, что ожидал обнаружить скрытый смысл.

Его интересовал способ организации встречи.

Лыткин пришёл в пустующее помещение, рассчитывая увидеть документ.

Елена Барышева, судя по показаниям подруги, собиралась обсудить неприятный вопрос с одним из своих знакомых.

Павел Седов незадолго до смерти консультировал частного заказчика.

Марина Шестакова перед исчезновением сообщила подруге, что собирается показать квартиру потенциальному арендатору.

Четыре разных обстоятельства.

Но во всех случаях погибшие могли согласиться на встречу по причинам, не вызывавшим у них первоначального подозрения.

Лавров взял лист бумаги и написал:

«Проверить обстоятельства назначения последних встреч».

Затем добавил:

«Кто знал расписание погибших?»

И ниже:

«Какие контакты повторяются?»

Он не стал записывать красивую версию о преступнике, который мастерски заманивает людей в ловушки.

Пока это была лишь гипотеза.

Её предстояло подтвердить.

На следующий день следователи получили сведения о работе Павла Седова.

За несколько месяцев до смерти инженер действительно консультировал частных заказчиков по состоянию старых подземных сооружений.

Среди документов имелись заключения о заброшенных тоннелях, подвалах и каменоломнях.

Лавров просматривал перечень заказов, когда заметил одно название.

«Историческое наследие».

Та же посредническая компания, через которую Максим Воронцов заказывал переводы Елены Барышевой.

Он остановился.

Проверил реквизиты.

Совпадали.

Лавров позвал Корнеева.

— Посмотри.

Оперативник наклонился над документом.

— Не может быть.

— Может.

— Значит, Седов тоже работал на Воронцова?

— Нет. Пока мы знаем только, что компания, сотрудничавшая с Воронцовым, заказывала консультацию у Седова.

— Но это уже третья жертва, связанная с его работой!

— Две жертвы имели документально подтверждённые контакты с одной посреднической компанией. Лыткин был знаком с Воронцовым. Не смешивай разные обстоятельства.

Корнеев выпрямился.

— И что дальше?

— Выясним, кто именно заказал консультацию Седова. Получим документы, установим участников проекта и проверим, кто имел доступ к его результатам.

— А Воронцов?

Лавров посмотрел на фотографию эксперта.

— Пока не трогаем. Сначала соберём факты.

Он снова открыл материалы первого дела.

Теперь следствие получило не только предположение о возможной связи между погибшими.

Появился конкретный профессиональный контакт, который можно было проверить.

Но Лавров понимал: одна посредническая компания могла сотрудничать с десятками специалистов.

Необходимо было установить, пересекались ли их заказы в действительности.

И если да — почему.

Максим вернулся в мастерскую поздно.

Анастасия уже ушла.

Он включил свет, снял пальто и прошёл к рабочему столу.

На нём лежал конверт из французского архива.

Максим вскрыл его.

Внутри находились фотографии нескольких документов, относящихся к судебному разбирательству 1396 года.

Он разложил снимки.

На одном листе упоминался Гийом де Варенн.

На другом — неизвестный мужчина, которого несколько свидетелей видели возле старой каменоломни.

Третий содержал перечень имущества, изъятого после ареста подозреваемого.

Максим начал читать.

Среди обычных предметов — одежды, ножа, дорожной сумки — упоминалась небольшая деревянная шкатулка.

Её содержимое в сохранившемся документе не описывалось.

Максим нахмурился.

В другой копии перечня шкатулка отсутствовала.

Это могло объясняться ошибкой переписчика, утратой части документа или тем, что предмет не сочли важным.

Но различие требовало проверки.

Он взял карандаш.

Сделал пометку.

Потом открыл карту.

На ней был изображён небольшой французский город, окружённый крепостной стеной.

За северными воротами тянулась дорога к старой каменоломне.

Максим долго рассматривал изображение.

Его интересовал не сам Гийом де Варенн.

Гораздо любопытнее было то, что судебные документы не позволяли установить, действительно ли обвиняемый действовал один.

В одном показании упоминался незнакомец, которого видели возле каменоломни.

В другом — человек, сопровождавший торговый обоз.

Третье свидетельство противоречило обоим.

Максим понимал, что позднесредневековые документы часто сохранялись в неполном виде. Нельзя было делать выводы на основании нескольких разрозненных строк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.